

ЕВА БОНА

(Университет им. Лоранда Этвёша,
Будапешт, Венгрия)

УДК 821.161.1-32:821.161.1-1

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44:Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

ЧЕЛОВЕК-РАЦИОНАЛИСТ У ЦВЕТАЕВОЙ И ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье ставится проблема – указать на важнейшие точки соприкосновения между образом человека-рационалиста – Ивана Карамазова в главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы» Достоевского и мироощущением Марины Цветаевой в последние годы жизни, выраженное в восьмом («О, слёзы на глазах!...») стихотворении второй части («Март») цикла «Стихи к Чехии». Исходным понятием моих исследований является *круг*, который, в противовес положительным восприятиям, живущим в коллективном сознании человечества, в этом случае напоминает нам круг ада и безысходности, откуда надо вырваться, и наделяется такими признаками как тьма, жара, плен, бессонница, горе, одиночество, бунт, дисгармония, шум и т.д. Для человека-рационалиста главным аргументом является жертвоприношение невинных существ во имя высшей гармонии, что и лирический субъект Цветаевой, и Иван Карамазов Достоевского ставят в центр своих высказываний. Принципиальная разница между писателями заключается в том, что Цветаева полностью идентифицирует себя со своим рационалистическим лирическим субъектом, а Достоевский представляет человека-рационалиста как отрицательный и опровергаемый образ.

Ключевые слова: человек-рационалист, круги ада, гармония, литературные образы, русская литература, русская поэзия.

Всем известна следующая фраза Ивана Карамазова в главе «Бунт» в «Братьях Карамазовых» Достоевского: «...Не Бога я не принимаю, Алеша, а только билет Ему почтительнейше возвращаю...» [Достоевский 2007: 65], которая непосредственно перекликается с высказыванием лирического субъекта восьмого стихотворения («О, слёзы на глазах!...») второй части («Март») цикла «Стихи к Чехии»

Марины Цветаевой: «...Пора – пора – пора / Творцу вернуть билет...» [Цветаева 1980: 350].

Необходимо коснуться автобиографического фона Цветаевой, так как период с 1922 по 1939 год в жизни поэта характеризовался тяготами эмиграции и трагическим отпечатком чувства одиночества, которое ещё более усилилось вследствие возвращения мужа Цветаевой в Советский Союз (1937) [Соколов 1991: 87]. В это время в произведениях поэта мы можем заметить самые разные вариации на тему пророческой смерти, а также тленности человека, противостоящей вечности времени. В 1939 году Цветаева вместе со своим сыном покидает Париж и возвращается на родину, где её ждут постоянный страх и нищета [Соколов 1991: 88-89]. После ареста мужа и дочери (1939) она уезжает в Чистополь и с 15 марта до 11 мая 1939 года пишет стихотворение «О слёзы на глазах!...», которое можно воспринимать и как завершающий акт всей поэзии Цветаевой, и в котором вследствие соединения «голоса боли с голосом самоубийства» [Маслова 2004: 122] в бунтарском изъятии лирического субъекта Богу появляется «готовность и стремление к смерти» [Фрейдин 1994: 257].

Главная цель данной работы – сравнительным методом указать на важнейшие точки соприкосновения между образом человека-рационалиста, созданным Достоевским, – Ивана Карамазова и мироощущением Марины Цветаевой в последние годы жизни. Необходимо подчеркнуть, что мы вовсе не претендуем на целостность и полноту изложения данной проблематики, так как работа опирается, в первую очередь, на главу «Бунт» романа «Братья Карамазовы» Достоевского и восьмое стихотворение цикла «Стихи к Чехии» Цветаевой.

Исходным понятием предлагаемой работы является *круг* как олицетворение того невыносимого состояния, в которое автор «Братьев Карамазовых» и поэт в стихотворении «О слёзы на глазах!...» в конце своих произведений погружают читателя. При таком толковании важно упомянуть, что понятие круга не всегда связывается с отрицательными ассоциациями. В коллективном сознании круг обычно воспринимается как универсальный символ. Тут нам нужно вспомнить «языческие венки, круглые площадки» христианских церквей [Осипова 2000: 74], кругообразную форму Райского Сада в Священном Писании, а также круговое движение времени: восход-заход Солнца и Луны, смену времён года, циклический процесс умирания и рождения, как в жизни индивидуума, так и в

толковании мироздания (напр.: в христианском понимании «... всё произошло из праха и всё возвратится в прах ...» [Екк. 3:20]).

Однако, общее настроение монолога Ивана Карамазова Достоевского и душевное состояние лирического субъекта Цветаевой напоминают нам круг ада и безысходности, откуда надо вырваться. Таким образом, мы стремимся найти ответ на вопрос: *почему Цветаева в упомянутом выше произведении не изображает исход (т.е. воскресение) из замкнутого круга?*

II. Круг ада человека-рационалиста

В случае рационализма мы говорим о философском направлении, которое признаёт «разум основой познания и поведения людей», а также «противостоит как иррационализму, так и сенсуализму (эмпиризму) [Ильичев и др. 1983: 569]. Традиция философской концепции рационализма «восходит к др.-греч. философии», различавшей знание «по истине» <...> и «по мнению» [Ильичев и др. 1983: 569]. «Кульм разума» был характерен и для французских материалистов XVIII века, «стоявших в целом на позициях» материалистического сенсуализма и «выступавших против спекулятивных построений» [Ильичев и др. 1983: 569]. Однако данное направление часто воспринимается как односторонняя наука, с точки зрения идеальной, поскольку познание мира – это не что иное, как единство разума и чувства, т.е. мышление формирует повышенное знание, посредством переработки данных чувственного познания.

Не удивительно, что высказывания лирического субъекта стихотворения Марины Цветаевой, и «Бунт» Ивана Карамазова Достоевского напоминают нам изображение круга ада, в котором люди присутствуют безнадежно и безысходно. Рационалистическое лирическое «я» Цветаевой и человек-рационалист Достоевского отказываются от присутствия в этом кругу, т.е. в мире грехов, вследствие чего и стихотворение «О слёзы на глазах!...», и глава «Бунт» строятся на резких контрастах, а именно на противопоставлении *вне круга* и *внутри круга*. Далее в моей работе я буду опираться на исследование признаков пространства внутри круга, т.е. на признаки круга безысходности, который наделяется приметами ада.

На основании ассоциаций, живущих в коллективном сознании людей, одни из самых важных признаков круга ада – это материальность, цивилизация и временность, «пожирающие» и уничтожающие человеческую душу. Следует подчеркнуть, что тема вечной духовности и природы и у Цветаевой, и у Достоевского всегда

являлась центральной темой в их «философском и мифопоэтическом контексте» [Осипова 2000: 63]. Тема духовности и природы, особенно важные для Цветаевой, играли важнейшую роль в романтизме, эта тема «лежит в основе всей романтической натурфилософии: вечное божественное начало», т.е. «„присутствие создателя в создании“, о котором говорил Жуковский» [Шевеленко 2015: 424], и символизирует для Цветаевой некую «духовную защиту» [Маслова 2004: 200], а также вечность. Ирина Шевеленко важнейшую причину соответствия искусства природе в поэтике Цветаевой усматривает в восприятии лирики как пятой стихии, «внеположной миру человеческому» [Шевеленко 2015: 424]. Идентичность пятой стихии и духовности уходит своими корнями в эпоху языческих религий: четыре стихии объединяет дух, первоначальной задачей которого всегда является совершение какой-то работы, связанной со временем или перевоплощением. Таким образом, и для Цветаевой, и для Достоевского временный, материальный, цивилизационный мир человека-рационалиста внутри круга безысходности становится тупиком, откуда надо вырваться.

Дальнейшие признаки круга ада с точки зрения: 1) визуальности – тьма, 2) температуры – жара [Дзюба 2001: 167-170], 3) пространственных качеств – закрытое, узкое, плен [Дзюба 2001: 142-143], 4) степени реальности – действительность, бессонница, память [Маслова 2004: 57], 5) бытия – небытие, где нет воскресения и освобождения, 6.1) душевного состояния: с одной стороны – горе, печаль, одиночество, 6.2) с другой – бунт, беспокойство, дисгармония, 7) с точки зрения аудитивности – монолог, речь, шум (в толковании «не слушать и не услышать другого человека») (В этом случае оппозицией является диалог в рамках молчания, в толковании «слушать и услышать другого человека»).

III. Жертвы

После того, как Гитлер атаковал Чехию (в марте 1939 года), Цветаева пишет цикл стихотворений «Стихи к Чехии», в котором поэт привлекает внимание не только к трагедиям, происшедшим в Чехии, но и к ужасам Гражданской войны в Испании, длившейся от 1936 до 1939 года. Первые строки стихотворения «О слёзы на глазах!...» звучат следующим образом:

... О слёзы на глазах!
Плач гнева и любви!

О, Чехия в слезах!

Испания в крови! ... [Цветаева 1980: 350]

Для человека-рационалиста, который всё пытается объяснить логическим путём неопровержимых фактов, важнейшим аргументом является бессмысленное жертвоприношение во имя достижения высшей гармонии. Указание на кровь завета Господа Бога с людьми как на залог прощения часто появляется в Священном Писании, так же как и очистительная сущность крови жертвоприношения от грехов. Так например, в Послании к Евреям Моисей говорит: «... это кровь завета, который заповедал вам Бог. Также окропил кровью и скинию и все сосуды Богослужебные. Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения ...» [Ев. 9:20 – 9:22]. Или вспомним слова Иисуса Христа на Тайной Вечере: «... И, взяв чашу и благодарив, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов ...» [Мт. 26:27 – 26:28]. Выше упомянутое восприятие крови также проявляется и в греческой мифологии: умершие души получают возможность приобретения вечной жизни после выпитой крови „пожертвованных животных в яме“, которая располагается недалеко от чёрного осинника богини Персефоны [Kerényi 1977: 162] (В дальнейшем все иноязычные цитаты, взятые из научной литературы, даются в переводе автора этой статьи).

Помимо крови в первой строфе также появляются и вода, и соль в виде слёз, амбивалентную мифологическую роль которых освещает Нина Осипова: с одной стороны, их можно толковать как «освобождение от сухости, огня, жары», а с другой стороны, здесь появляется фольклорное восприятие «воскресающей силы горячих слёз, означающих переход от смерти к жизни» [Осипова 2000: 108]. В Ветхом Завете слёзы в символическом толковании могут указывать на противоречивое изображение соли как символа жизни («... Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на попрание людям ...» [Мт. 5:13]) и как символа бесплодия («... И сражался Авимелех с городом весь тот день, и взял город, и побил народ, бывший в нем, и разрушил город и засеял его солью ...» [Суд. 9:45]).

Иван Карамазов в романе Достоевского также ставит основным контраргументом вопрос о жертвоприношении невинных существ Богом как условия наступления наивысшей гармонии, которое проповедуется в Священном Писании. Согласно Книге Бытия, Бог первоначально создал человека «для вечной жизни», но позже,

вследствие грехопадения Адама и Евы, Господь изгнал их из Эдема [Elöd 1978: 717]. Однако, в Великую Субботу Христос «спустился в ад», чтобы уничтожить его, и принести людям надежду воскресения [Alfejev 2005: 223], которое может осуществиться во время «второго пришествия» Христа [Alfejev 2005: 224]. Для воскресения необходимо раскаяться во всех грехах, ибо во время Страшного Суда «все наши грехи выяснятся», и в случае отсутствия покаяния воскресение не произойдёт [Alfejev 2005: 224].

Иван Карамазов признаёт наказание и нужду в покаянии отцов, которым «дан был рай», но «они захотели свободы и похитили огонь с небеси, сами зная, что станут несчастны, значит, нечего их жалеть» [Достоевский 2007: 164]. Далее Иван продолжает расшифровывать и развёртывает свои собственные рационалистические взгляды: отцы «съели яблоко и познали добро и зло <...> Но деточки ничего не съели и <...> ни в чём не виновны. Если они на земле тоже <...> страдают, то уж <...> за отцов своих <...> съевших яблоко <...> Нельзя страдать неповинному за другого» [Достоевский 2007: 161]. Для подтверждения всего этого Иван приводит множество ужасающих фактов, из которых, кажется, самый неопровергаемый и страшный – пример восьмилетнего мальчика, растерзанного псами богатейшего помещика на глазах матери, за то, что он бросил камень в собаку помещика и «ногу ей зашиб» [Достоевский 2007: 164].

Диалог Ивана и Алёши обостряется, и Иван наносит Алёше последний удар своими аргументами. Человек-рационалист понимает «солидарность в грехе и в возмездии между людьми», но не понимает солидарность в грехе и в возмездии детей с отцами, ведь муки детей не могут являться частью мук отцов, вследствие чего мать восьмилетнего мальчика просто не имеет права простить «страдания своего растерзанного ребенка <...> А если так <...> где же гармония?» [Достоевский 2007: 165]. Тут Цветаева как бы подхватывает слова Достоевского:

... О, чёрная гора,
Затмившая весь свет! ... [Цветаева 1980: 350]

Для поэта чёрная гора покрывает весь мир, что выражается в виде трагических последствий фашизма и в «чёрном» траурном горе Цветаевой над Чехией, Испанией и над всем миром. Выше упомянутое толкование подтверждает и тот факт, что через изменение единственной, т.е. последней фонемы в слове «гора» получается слово

«горе». Здесь необходимо вспомнить пятое («У меня в Москве – купола горят!...») стихотворение цикла «Стихи к Блоку» Цветаевой, где она использует этот же приём, усиливая параномастический эффект смыслового соотнесения двух ключевых символов стихотворения «река» и «рука» их рифменной позицией:

... Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари [Цветаева 2006: 282]

Однако, между тем как во втором случае слова «река» – «рука» символизируют горизонтальное пространственное положение, в первом случае слова «гора» – «горе» указывают на вертикальное пространственное положение.

Здесь следует отметить замечание Осиповой (в связи с другими произведениями Цветаевой) о горе «как о центре мира, вписывающейся в евангелический символ Преображения» и выводящей «поэта в пространство Вселенной», таким образом, что аналогия горы создаёт три «этноцентричных пространства символикой „верха” (неба), среднего мира (лирическая героиня) и нижнего (хтонического, приземленного-бытового)» [Осипова 2000: 106].

IV. Душевное состояние: Бунт

В третьей и четвёртой строках голос лирического субъекта Цветаевой соединяется с голосом Ивана Карамазова Достоевского. Слова лирической героини Цветаевой убеждают реципиента:

...Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет... [Цветаева 1980: 350]

А слова человека-рационалиста Достоевского убеждают Алёшу: «Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю», на что Алёша «тихо и потупившись» отвечает: «Это бунт» [Достоевский 2007: 65].

Приятие разумного познания мира и отрицание чувственного превращает человека-рационалиста Цветаевой и Достоевского в человека-нигилиста, который отрицает все «общепринятые ценности, идеалы, моральные нормы» и проповедует бессмысленность бытия [Ильичев 1983: 569]. Неприятие всего возникает у лирического

субъекта Цветаевой и у Ивана Карамазова Достоевского вследствие парадоксальных вопросов, на которые никто не может ответить и которые порождают у них чувство мести. Так и Иван Карамазов говорит: «по моему <...> земному эвклидовскому уму, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что всё одно из другого выходит», а далее он продолжает, что как раз из-за этого он не может согласиться жить, он требует возмездия, иначе он сам себя уничтожит [Достоевский 2007: 164].

Тут уже нам следует вспомнить последние слова человека-материалиста в «Дневнике писателя» («Приговор») Достоевского: «Так как на вопросы мои о счастье я через мое же сознание получаю от природы лишь ответ, что могу быть счастлив не иначе, как в гармонии целого, которой я не понимаю <...> То, в моем несомненном качестве <...> судьи и подсудимого, я присуждаю эту природу <...> к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого» [Достоевский 1994: 322].

Выше упомянутый монолог имеет тот же бунтарский источник, что и монолог Ивана Карамазова в главе «Бунт» и монолог лирического «я» в стихотворении «О слёзы на глазах!...», которые можно рассматривать и как вершину бунта, в котором – как уже было сказано – человек-рационалист выступает против прощения страшнейших грехов, так же как и против условия наступления наивысшей гармонии. Он отвергает Бога, который посылает спасение людям за счёт страдания невинных тварей. Таким образом, Иван говорит, что если произойдёт воскресение, и все воскликнут «Прав ты господи!», то он не хочет это повторять, так как не стоит гармония неискупленных «слезинок хотя бы одного только замученного ребенка», которые невозможно искупить, поскольку «ад для мучителей» – это не гармония, а к тому же «слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход», и потому свой билет на вход Иван спешит возвратить обратно [Достоевский 2007: 165].

V. Душевное состояние: одиночество

Второй маркированный признак душевного состояния человека-рационалиста – это одиночество, которое, подобно бунтарскому настроению, возникает вследствие отрицания всего и всех. В третьей строфе Цветаева уже однозначно не воспринимает живых существ, окружающих её, людьми, а называет их нелюдьми и отождествляет их

с волками в рамках пословицы «С волками жить – по-волчьи выть», появляющейся на уровне интертекстуальности.

...Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей... [Цветаева 1980: 350]

Однако, не только «волк» является характерой чертой людей, составляющих общество, в котором Цветаева живёт сама, но совместную жизнь с которыми она не принимает, подобно тому, как и не принимает превращения в волка себя самой. Рядом с определением волка появляются также акулы, с которыми лирический субъект также не может и не хочет ассимилироваться, так как идентифицироваться с данными хищниками-нелюдьями не позволяет его совесть.

...Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть
Вниз – по течению спин... [Цветаева 1980: 350]

У Ивана Карамазова, помимо восьмилетнего мальчика, растерзанного псами, появляется ещё несколько ужасающих примеров в виде палачей, которые мучают и убивают своих жертв. Таким образом, «волкам» и «акулам» Цветаевой соответствуют в том числе «анти-герои» Достоевского, избивающие и закрывающие на ночь в холодное отхожее место свою собственную дочь, а затем «обмазывают её все лицо калом и заставляющие её есть этот кал», или турки и черкесы, «прибивающие арестантам уши к забору гвоздями и оставляющие так до утра», или даже мужик в стихотворении Некрасова, цитируемом Иваном, бьющий в сладострастном опьянении слабосильную лошаде́нку, на которую навалили слишком много, и которая в конце концов рванула и вывезла и пошла, вся дрожа, не дыша» и т.д. [Достоевский 2007: 162].

Хотя и лирическое «я» Цветаевой, и Иван Карамазов Достоевского подчёркивают зверскую жестокость человека, который, по мнению Цветаевой, уже превратился из человека в какое-то нечеловеческое существо, Иван доказывает, что данное определение «страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек» [Достоевский 2007: 161]. Итак, человек-

рационалист отрицает всё и всех, вследствие чего остаётся в полном одиночестве. Это состояние, с одной стороны (с религиозной точки зрения), вырисовывая «царство смерти и молчания», отрицает воскресение, а с другой стороны (с философской точки зрения), представляет реципиенту картину «экзистенциального ужаса одиночества» [Славская-Гренъе 2007: 143]. Таким образом, создаётся психологическое настроение «кризиса», маркированное слепотой, глухотой и немотой [Славская-Гренъе 2007: 143].

VI. Аудитивность – монолог, речь, шум

Важно проанализировать, почему траурное состояние лирического субъекта Цветаевой и Ивана Карамазова Достоевского маркировано немотой, когда тут речь идёт в первом случае о монологе, а во втором случае – хотя и о диалоге, но собеседник (Алёша) не является настоящим собеседником, а скорее всего слушателем, так как он в большей части не возражает и не приводит контраргументы, а просто пассивно соглашается. Однако этот монолог можно считать монологом только до определённой точки, которая с помощью присутствия Алёши превращает монолог Ивана в диалог Ивана и Алёши, вследствие чего появляется надежда на исход из данного круга ада, но выше упомянутый исход, соответствующий возрождению, мы можем проследить более ярко уже в следующей главе, в главе «Великий инквизитор», которая в данной работе не будет рассматриваться.

Психология уделяет в переработке траура немаловажную роль «разговору друг с другом», после чего скорбящий «приобретает новую констанцию» [Balázs 2002: 160]. Но монологическая речь человека-рационалиста никак не соответствует разговору, предлагаемому психологией во имя адаптации. Монолог больше всего обладает признаками первого фазиса траурного процесса – «эмоционального шока» [Pilling 2003: 19], в котором и лирическое «я» Цветаевой, и Иван Карамазов Достоевского проводят беседу с самими собой, с тем отличием, что Иван ещё и «прямо заявляет брату, что испытывает его» и хочет «поставить брата „на свою точку”» [Сараскина 1996: 135]. Исходя из того, что рационалист разговаривает с самим собой, правомерным представляется рассматривать проблему молитвы.

Под понятием «молитва» в православии подразумевается «не только просьба, а прежде всего и связь» [Alfejev 2005: 180]. Для того, чтобы эта связь восстановилась, необходимо соблюдать два важных условия. Первое из них – молчание, которое в анализируемых

произведениях не осуществляется, так как, во-первых, «хотя внешне <...> молчание тождественно тишине и означает отсутствие звуков, структурно <...> ближе разговору», ведь о чем невозможно говорить, о том невозможно и молчать [Эпштейн 2005: 202-203], а во-вторых, молитве надо быть «простой», и состоять из «немногих слов», вследствие чего создаётся «внутренний покой», и человек выигрывает себе время [Alfejev 2005: 181-183]. Второе условие для восстановления связи – это внимание. Молитва также подразумевает борьбу с «внешними мыслями», возбуждёнными воспоминаниями в форме «картин и фантазий» [Alfejev 2005: 185-186].

Однако у человека-рационалиста Цветаевой и Достоевского господствует поток сложнейших мыслей и внутреннее беспокойство. Они боятся остаться одни со своими мыслями в мёртвой тишине, и как раз поэтому Иван Карамазов в полном отчаянии вцепляется в единственное живое существо, в Алёшу, который мог бы ему помочь («я, может быть, себя хотел бы исцелить тобою» [Достоевский 2007: 159]), а лирический субъект стихотворения Цветаевой, отказываясь от жизни, выбирает смерть.

... Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ. [Цветаева 1980: 350]

VII. Итоги: разница между Цветаевой и Достоевским

Важнейшая разница между Цветаевой и Достоевским состоит в том, что Цветаева в данном стихотворении полностью идентифицирует себя со своим рационалистическим лирическим субъектом, а Достоевский представляет человека-рационалиста в виде Ивана Карамазова как отрицательный и опровергаемый образ. Данный факт наиболее отчётливо доказывает продолжение произведения, т.к. после главы «Бунт» следует глава «Великий инквизитор», в которой перед нашими глазами вырисовывается настоящая драма пленника и инквизитора.

Следует отметить вскользь последнее замечание Алёши, которое воспринимается как связующее звено между двумя главами, о том, что «есть в мире существо, которое могло бы и имело право простить» – это Иисус Христос, который «может все простить <...> потому что сам отдал неповинную кровь свою за всех и за всё». Алёша подразумевает, что Иван, наверное, забыл о нём, но Иван отвечает Алёше, что нет, не

забыл о нём, даже сочинил поэму о нём и может рассказать её. Именно рассказ этой поэмы далее вынуждает Ивана «строить общение с братом в форме диалога», и именно этот диалог доказывает, что смысл истории состоит в том, что «история жива, пока жив человек, и он имеет право относиться к ней творчески» [Сараскина 1996: 139].

Значит, не что иное, как творческое слово различает стихотворение Цветаевой и произведение Достоевского, поскольку хорошо видно, что лирический субъект Цветаевой ощущает себя абсолютно безоружным, так как его главного средства – слова – уже не хватает, чтобы остановить войну или препятствовать войне. Таким образом, в конце стихотворения лирическая героиня выбирает единственный путь исхода из круга безысходности – самоубийство.

ЛИТЕРАТУРА

- Библейские общества*, Russian N.T., Wien.
- Дзюба Е.В.* Концепты жизнь и смерть в поэзии М.И. Цветаевой. – Диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2001. – 255 с.
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. – М.: АСТ, 2007. – 781 с.
- Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15 томах. – Т. 13. – СПб.: Наука, 1994. – 424 с.
- Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г.* Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
- Маслова В.А.* Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой, – 2-е изд. – М.: Наука, 2004. – 255 с.
- Осипова Н.О.* Творчество М. И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. – 1-е изд. – Киров: Вятский государственный педагогический университет, 2000. – 271 с.
- Сараскина Л.И.* Поэма о Великом инквизиторе как литературно-философская импровизация на заданную тему. Достоевский и мировая культура: Альманах. № 6. – СПб.: Акрополь, 1996. – С. 125-141.
- Славская-Гренье С.* Герценовский подтекст в «Кроткой». Достоевский и мировая культура: Альманах. № 22. – М., 2007. – С.111-155.
- Соколов А.Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М.: Издательство Московского университета. – 1991. – 182 с.
- Фрейдин Ю.* Тема смерти в поэтическом творчестве Марины Цветаевой // Marina Tsvetaeva: One Hundred Years. Столетие

Цветаевой. Материалы симпозиума. – Oakland. California. USA.: Berkeley Slavic specialities. – 1994. – Vol. 32. – С. 249-261.

Цветаева М.И. Сочинения: стихотворения, поэмы, драматические произведения: В 2 томах. – Т. 1. – М.: Художественная литература. – 1980. – 575 с.

Цветаева М.И. Всемирная библиотека поэзии: В 28 томах. – Т. 25. – М.: Эксмо. – 2006. – 480 с.

Шевеленко И.Д. Литературный путь Цветаевой: идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.

Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре, Звезда, 2005/10, С. 202-222.

Alfejev I. A hit titka. Bevezetés az ortodox egyház teológiájába és lelkiségébe. – Вр.: Magyar Ortodox Egyházmegye, 2005. – 260 с.

Balázs I. Pszichológiai Lexikon. – Вр.: Magyar Könyvtárklub, 2002. – 512 с.

Előd I. Katolikus Dogmatika. – 1-е изд. – Вр.: Szent István Társulat, 1978. – 783 с.

Kerényi K. Görög mitológia: I. Történetek az istenekről és az emberiségről II. Hérosztörténetek. – Вр.: Gondolat, 1977. – 520 с.

Pilling J. Gyász. – Вр., Medicina, 2003. – 346 с.

Статья рекомендована доктором филологии М. Дьёндьёши.